

Фёдор Гайда

Рец. на: Ю.С. Дюшен. Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 гг. / Науч. ред. Г.К. Гагкуев. М.: Изд. центр «Воевода», 2020. 392 с.

Fyodor Gayda

*(Lomonosov Moscow State University, Russia;
Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)*

Rec. ad op.: Yu.S. Diushen. Dnevnik petrogradskogo chinovnika. 1917–1918 gg. Moscow, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722040276, EDN: JBZIDA

Сын адмирала С.П. Дюшена Юрий (Георгий) Сергеевич Дюшен (1883 — после 1929 г.) принадлежал к числу тех представителей высших слоёв русского общества, для которых, как и для большинства людей, революция стала своего рода театральным представлением, вызывавшим сперва эйфорию, а затем недоумение и усталость, усугублявшуюся голодом, холодом и иными материальными трудностями и политическими осложнениями. Он родился в Петербурге, окончил гимназию (с серебряной медалью) и Императорское Училище правоведения, служил в Министерстве финансов, в 1915 г. исполнял обязанности секретаря министра. Будучи членом правления ряда банков и акционерных обществ, имея несколько иностранных орденов и чин камер-юнкера (с 1908 г.), Юрий Сергеевич вращался в высшем свете, посещал салон гр. М.Э. Клейнмихель (с. 29), но уже в 1917 г. оказался на скромной должности переводчика и бухгалтера в Русском торгово-промышленном обществе, с 1919 г. работал завхозом и переводчиком в различных организациях, в частности, в 1921–1923 гг. — в Американской администрации помощи. Не отличаясь крепким здоровьем, Дюшен не был женат и после смерти отца, скончавшегося в 1918 г., жил вдвоём с матерью; эмигрировать, по-видимо-

му, не собирался, хотя с 1921 г. подвергался арестам. В 1927 г. его выслали на 3 года в Сибирь, но о том, что произошло с ним в дальнейшем, ничего не известно (с. 12–13, 340–346).

В 1917–1918 гг. Дюшен являлся информатором британской военной миссии, а также активно общался с сотрудниками шведского, датского и норвежского посольств (с. 337–340). В сентябре 1918 г., когда начался красный террор, он передал свой дневник представителю британского Красного Креста Р.Э. Кименсу, после чего этот документ попал в университетскую библиотеку Осло (с. 335, 337–338)¹. Поскольку рукопись была анонимной, первоначально её фрагменты, появлявшиеся в печати с 1986 г., публиковались без имени автора или под иными фамилиями. Только в 2016 г. дневник, наконец, удалось надёжно атрибутировать (с. 9–12), а теперь вышло и первое полное издание всего текста. Его сопровождает внушительный научный аппарат: примечания и аннотированный именной указатель занимают почти половину книги (с. 217–391).

Нет никаких оснований считать, что Дюшен вёл дневник до 1917 г. Похоже, решение взяться за него было связано именно с нарастанием катастрофических событий, касавшихся уже каждого обывателя. Так, в первой

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

записи, сделанной 16 сентября 1917 г., говорилось про заявление А.Ф. Керенского о приближении германского флота к Петрограду (с. 27). При этом свою работу и обстоятельства личной жизни Дюшен освещал сравнительно мало, фиксируя преимущественно общеполитические происшествия, сведения о которых черпались в основном из газет и городских слухов. Излагались они достаточно небрежно, с повторами. Например, декреты о мире и земле в октябре 1917 г. были пересказаны дважды (с. 48, 51–53), как и ходившие в начале сентября 1918 г. толки о том, будто «всё семейство» Л.И. Каннегиссера после убийства М.С. Урицкого было расстреляно (с. 213–214). Автор неверно указывал дни недели, путал бывшего министра путей сообщения и заместителя председателя Временного правительства радикального демократа Н.В. Некрасова и министра почт и телеграфов меньшевика А.М. Никитина (с. 33).

Сперва Дюшен как-то фиксировал практически каждый день. При этом иногда записи делались им сразу за несколько суток. В частности, 29 ноября он писал: «Почти целую неделю, с 24-го, не делал заметок, т[ак] к[ак] был занят переездом на новую квартиру; на казённой оставаться было невозможно, ежеминутно могли появиться красногвардейцы и вышвырнуть меня вместе с пожитками на улицу» (с. 102). Однако на предыдущих листах указано: «27 ноября 1917. Вторник» (с. 100), «Среда. 29 ноября» (с. 101). Имеется запись и за 28 ноября, без указания дня недели (это был как раз вторник) (с. 103). Причём архивная нумерация двойных листов, которыми пользовался Дюшен, тут сбилась, и два из них, помеченные 28 и 29 ноября, вклинились в текст, датированный 30 ноября. К сожалению, при публикации эта путаница не устранена и не оговорена, что может озадачить читателя

(с. 102–105). С апреля 1918 г. в дневнике встречается всё больше пропусков. Так, Юрий Сергеевич ничего не писал со 2 по 17 апреля, с 10 мая по 1 июня, с 7 июня по 3 июля, с 11 июля по 1 августа и между 1 и 14 августа (с. 186–201). Последние строки относятся к 4 сентября (с. 216).

При советской власти сотрудники Дюшена, состоявшие в РКП(б), отмечали его высокую работоспособность и политическую лояльность (с. 342–344). По-видимому, он держался весьма осторожно и публично «монархические взгляды» не проповедовал, более откровенно высказываясь на страницах дневника. По мнению Ю.С. Пыльцына, Дюшен, близкий по взглядам к правому крылу кадетской партии, вовсе не был «убеждённым монархистом», оставаясь «в меру аполитичным» (с. 21–23). Вместе с тем он не скрывал презрения к Временному правительству и персонально к Керенскому, на которых возлагалась ответственность за безвластие (с. 27) и продовольственные проблемы (с. 34). С неприязнью Дюшен отзывался и о социалистах, советах и, в целом, о любых демократических процедурах (с. 32). Ему казалось, что «Россия захлебнулась в потоке слов всяких съездов», в том числе и проводившихся «общественными деятелями» во главе с М.В. Родзянко и кадетской партией (с. 36). «Я с невыразимой злобой думаю о деятельности в течение девяти месяцев Временного правительства, — признавался Юрий Сергеевич 9 декабря. — Это было сплошное глумление над истинной свободой» (с. 119). Поэтому в большевистском перевороте 26 октября он видел «просто военный заговор», которому следовало противопоставить демократическую реорганизацию правительства и переговоры о мире (с. 49). Подобные рецепты, похоже, выписывались из газет.

В то же время в ноябре 1917 г. Дюшен полагал, что хотя «выступление большевиков ускорило катастрофу, но истинной причиной была причина уже не партийного и не государственного характера, а стихийного». Поэтому «то, что теперь происходит, неминуемо должно было случиться, и случиться именно теперь, перед наступлением зимы и вне зависимости от того, кто находится у власти» (с. 72). «Теперешние бедствия» автор дневника считал «результатом ошибок многих лет» и объяснял «отсутствием образования, а главное — дисциплины и добросовестности у русских людей» (с. 75).

Наблюдая за нараставшей анархией, Дюшен нередко с симпатией отзывался о немцах с присущим им порядком. Характерно, что кайзер всегда представлялся ему умным человеком (с. 65). 8 декабря, услышав от знакомого американского дипломата о скором вступлении германских войск в Петроград, Юрий Сергеевич отметил: «Что вместо товарищей у нас скоро будут шуцманы, я решительно ничего не имею, но против разрыва с союзниками протестую» (с. 112). Впрочем, его отношение к Антанте также постепенно менялось. Ещё 10 ноября он характеризовал «приказ... о заключении немедленного перемирия для начатия мирных переговоров» как «позорище земли русской» (с. 75), а уже 18 февраля² (3 марта) жаловался на «союзников»: «Из-за их упорства, нежелания начать переговоры с Германией, увеличиваются наши страдания, наша гибель. Ведь с января стало совершенно очевидным, что пока продолжается на Западном фронте война, до тех пор продолжится наша разруха: немцы заняты борьбой, и им не до введения у нас порядка, но не в кавычках, как пишут большевистские газеты, но разумного порядка. Мне решительно всё равно, какое будет правительство, какую политику оно будет вести,

лишь бы можно было спокойно жить и работать» (с. 149). «Мне совестно сознаться, — записал Дюшен 1 мая 1918 г., — но во мне всё более и более усиливается недружелюбное чувство (конечно, в политич[еском] отношении) к англичанам, особенно со времени их быстрого и неожиданного отъезда из Петрограда. Нельзя забывать, что они — те дрожжи, на которых поднялась русская революция, результаты которой налицо» (с. 192). В августе 1918 г. он всё ещё не мог забыть про «радость англичан в начале революции» (с. 205).

И настоящее, и будущее Дюшен видел в мрачных тонах. «Размеры теперешней катастрофы нельзя охватить разумом, — сетовал он 9 ноября 1917 г. — Когда подумаешь, что от великого Государства, от великой Российской империи остались одни лохмотья — жутко становится на душе. Прежняя жизнь отошла в вечность» (с. 75). Десять дней спустя он прогнозировал распад страны «на Север и Юг», после чего «Юг не даст хлеба для дальнейшего “углубления” революции на Севере», и начнутся «голод всеобщий» и «жесткая безработица», появятся «банды голодных, безработных, озлобленных и неудовлетворённых пресловутой свободой товарищей». А дальше — «в виде апофеоза — повсеместные жидовские погромы, которые, конечно, несмотря на всю их привлекательность для души, нельзя приветствовать разумом. В этом апофеозе выльется вся безграничная злоба, которая во всех накопилась, без различия сословий и партий, и после бури наконец наступит успокоение страстей. Так мне представляется ход событий. Отдельные части России будут “самоопределяться”, дондеже это им самим не омерзет и пока они не сольются снова в русском море, возглавленном монархией» (с. 92).

Подобные ожидания лишь усиливались повседневными наблюдения-

ми и толками: «По городу блуждают немецкие офицеры, снабжённые разрешениями большевистского правительства. Попадают на улицах и немецкие солдаты. Нет никаких сомнений, что всё восстание организовано немцами и на немецкие деньги, хотя, быть может, и при благосклонном участии черносотенцев. О связи между большевиками и черносотенцами много разговоров» (с. 97). 8 декабря казалось, что ждать остаётся недолго: «Всё становится определённое, что скоро на престоле будет Алексей Николаевич» (с. 112). 11 января 1918 г. Дюшен радовался: «Как хорошо, что Учредилка разогнана». Этим устранялось «перманентное зло, называемое эсеровским Учредительным собранием», которым «на углубление революции был бы надет тормоз благоразумия, и никогда не докатилась бы революция с её завоеваниями до “революционного дна”» (с. 138). В марте в дневник старательно переписывались верноподданнические стихотворения (с. 164–165). При этом, сочувствуя представителям придворных и аристократических кругов (с. 29, 35), Дюшен критично относился к «охранке» (с. 31) и «тёмным силам» (с. 144) и довольно безучастно писал о царской семье (с. 109).

Вместе с тем Дюшен готов был приветствовать те действия большевиков, которые считал рациональными. Так, он одобрил захват Киева и Харькова, поскольку «украинцы ещё зловреднее» (с. 120)³. Реформа календаря оценивалась им как «первое умное опровержение СНК» (с. 148).

К апрелю надежды Дюшена заметно изменились: «В воздухе чувствуется уже весна, а на душе — осень. Впрочем, это не совсем так: настроение постепенно улучшается, на горизонте начинают замечаться светлые лучи. Советская власть окончательно укрепилась и, быть может, поэтому стано-

вится разумнее. Я вспоминаю, что ещё три месяца тому назад я был уверен, что контрреволюции все обречены на провал; большевистское настроение охватило всех, весь народ-богоносец, а против него политически бороться нельзя. Единственный выход — время; надо терпеливо ждать, когда большевизм сам собой утихнет, во что-ниб[удь] эволюционируется и, наконец, разум, а не политическая партия начнёт управлять людьми» (с. 186). Но пока приходилось довольствоваться тем, что «Известия ЦИК» «заговорили о дисциплине (хотя и революционной) пролетариата» (с. 187). В августе, повторяя, что «пока страна не переболеет от охватившего её всеобщего безумия и полной распущенности (а вовсе не свободы), до тех пор у нас будет продолжаться полный кавардак, кто бы ни был у власти», Дюшен вновь ищет симптомы поворота к лучшему: «Только за последнее время проявляются признаки отрезвления, после того как революция углубилась до деревни, до восстановления бедноты против кулаков и богатеев; тут-то она и завязнет... Социализм социализмом, но своего добра, своей собственности никто добровольно не отдаст» (с. 208). Впрочем, вскоре после ареста отца, взятого в заложники, в обстановке красного террора, Юрий Сергеевич перестал заполнять листки дневника своими размышлениями. Вынужденное ожидание «отрезвления» затягивалось.

В целом, дневник Ю.С. Дюшена является исключительно ценным источником для понимания настроений и положения служащих, принадлежавших прежде к элите российского чиновничества и маргинализированных в революционное время. Он словно бы переносит читателя в атмосферу, которой дышали герои булгаковской «Белой гвардии». Собственно его текст и обрывается незадолго до того, как начинается развитие событий в романе.

Примечания

¹ Оцифрованную рукопись дневника см. на сайте: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digimanus_74083 (с. 13).

² В книге ошибочно напечатано: «17 февраля» (с. 148).

³ В августе 1918 г. Дюшен отметил, что «серьёзные люди предсказывают большие беспорядки на Украине», где «вовсе не всё так безмятежно, как многие теперь себе рисуют», и «ослабление немцев — гибель [П.П.] Скоропадскому» (с. 206).